

«Ах, Одесса!» под небом «Юга»

Григорий Яблонский

Александр Петрович и Лидия Федоровна

«Смех должен быть чист, как слеза» (Фраза)

Напомню: мысль о нашей веселой газете зародилась и даже «проклюнулась» в комнате на третьем этаже старого газетного дома на Пушкинской, 32. Это когда там – у знаменитого штатного боцмана одесской «Полундры» Карпа Полубакова – собрались еще и трое «беспривязных» журналистов, сатириков и юмористов для совместного пуска в областной партийной газете «Знамя коммунизма» (вдумайтесь!) еще и почему-то смешного «Большого Фонтана». И это удалось! А то, что «проклюнулось», надо было беречь, как драгоценное, временно комнатное растение. У нашего газетного аксакала, мастера фельетонов Александра Петровича Шнайдера это заняло «всего четверть века». И когда в самом конце 80-х он сказал, что принял «жизненно важное решение выйти на пенсию», это означало: «Беремся за создание нашей «Ах, Одессы!..».

Но даже очень желанной новой газете тогда нужен был основатель не в виде личности (это сейчас отдельные суперпуперы владеют не только газетами и пароходами, но с особым шиком и телестудиями!). Знающий, как переступить все тогдашние «грабли», Александр Петрович был прав – и с ним наконец согласились в Одесском отделении Союза журналистов Украины: «Ладно, берем вашу новую газету под свое крыло. А вы набирайте команду в штат».

И тут интересная деталь: кого можно? Ведь и в наш творческий союз людей принимали не по должности – по достойным публикациям и рекомендациям известных коллег. Признаюсь, что при создании очень небольшого коллектива будущей «Ах, Одессы!» и сам впервые стал штатным работником. А в Союзе журналистов по рекомендации Александра Петровича был уже давно.

Первые радости минули, и «Ах, Одессу!» с невероятно важным нулевым номером пришлось готовить долго. Фельетоны, рассказы, даже интервью со знаменитостями – все это было готово, но где найти место для коллективной редакционной работы? Обращались к издательскому начальству – а им «по барабану!». И вот тогда комнату – большую! – с четырьмя, пусть издавшими всякое столами и стульями (на одном столе была даже живая еще пишмашина «Україна») – выделил нам на своем четвертом этаже отважный редактор газеты со свернутым и уходящим в прошлое названием «Знамя коммунизма»...

Отважный? Да, это именно он – Юлий Маркович Мазур, во вторник 20 августа 1991 года, когда московская партийная клика под «Танец маленьких лебедей» во всех телеящиках уходящей в прошлое страны готовила свои строгие (и мстительные!) распоряжения по возвращению всей этой территории в их родной «совок»... А в Одессе, как и везде, во всех властных кабинетах и осторожных газетах терпеливо ждали путеводных «ц. у.» – только он в своей редакторской колонке назвал это столичное ГКЧП преступным путчем! Так его невероятно смелая газета начинала свой путь в будущее Украины. И нам виделась добрая судьба «Ах, Одессы!» под небом «Юга»...

Высокая печать

Понятно, что наш Союз журналистов был скорее добрым, чем состоятельным. А новой газете, чтобы выйти в свет, нужна была бумага, на которой и смеяться не стыдно. Ну, и что-то на оплату труда – нет, не своих журналистов и авторов, а наших дорогих печатников! Кто-нибудь еще помнит, что тогда вся наша типографская печать «по-совковому гордо» называлась «высокой» –

и каждую действительно высокую, да и увесистую литеру-буквицу наборщики набирали своими черными от свинца руками. А если на контрольном оттиске полосы (то есть газетной страницы) что-то было не так, или приносили новую правку от редактора, то эти почти пудовые наборы газетных полос труженики наборщики заново перебирали своими руками, исправляя все неточности, вплоть до запятых...

А проверял и отвечал за весь набор дежурный по номеру журналист. В особых случаях до полуночи и позже. У новорожденной «Ах, Одессы!» всё было особое! Помню, как той зимой во втором-третьем часу ночи топал пешком – из Дома печати через метель и сугробы километра четыре – к себе на отдаленное Таирово... Но в моей сумке уже была наша «нулевая» «Ах, Одесса!» А в ней вот какие слова из обращения к читателям от нашего ответственного секретаря Александра Петровича: «Сбылась мечта одесских сатириков и юмористов!.. У вас в руках номер нашей новой газеты... Знаем, что кто-то уже провозгласил Одессу столицей юмора – и этому радуется сердце одессита? И все же я убежден, что чувство юмора, как и группа крови, не зависит от места рождения и прописки. Это бесспорно, как и то, что кроме одесского университета есть еще Кембридж и Париж. Для нас же драгоценно чувство юмора в кровном родстве со скромностью и чувством меры. Так что не будем суетиться, чтобы не ощутить в себе некое превосходство только потому, что мы одесситы».

Путь в «зоне»

Напрасно мы сразу о земном журналистском счастье... Той же зимой на пути «Ах, Одессы!» обнаружилась еще и «хоззона» с камнями подводными и делами подковерными. Она начиналась в том же Доме печати и тянулась обманчивым пунктиром, проникая в ковровые коридоры не привыкших к «самовольным» новым СМИ хозяев города и области, этих держателей своей провинции у моря.

По какой причине «душили, душили»? А она давняя – у всех таких «шариковых» сохранилась трусливая злоба к опасному

для них автору сотен фельетонов Карпу Полубакову. Но так как под былым органом обкома партии «Знаменем коммунизма» огрызаться не позволялось, то корчились и сообщали: «Меры приняты». А теперь им хотелось задушить не только «Ах, Одессу!», но и ставшую чересчур популярной независимую газету «Юг»...

Мы знали, что нашему «сталкеру» уже невыносимо тяжело в этих бесконечных коридорах, у непробиваемых стен и лбов – если не каменных, то тупо-ватных... Он возвращался в редакцию со своей палочкой, и мы видели, что ему плохо, очень плохо, но он молчал. Знакомился с нашими текстами, показывал, как сделать лучше, еще лучше!.. Нулевую, программную «Ах, Одессу!» мы с Александром Петровичем, как вы уже знаете, выпустили. До следующей, первой, он не дожил.

Строки об этой жизни

Пусть хотя бы сейчас они станут доступны всему Интернету и Всемирному клубу одесситов.

Александр Петрович Шнайдер родился в 1915 году в городке Бар Винницкой области в семье потомственного специалиста по лесу и древесине. Через три года семья переехала в Одессу, где отец стал работать в порту. А растущий сын Саша (его еврейское, местечковое имя Шломо пришлось, конечно, изменить, иначе и в Одессе совковой расти ему было бы некуда!) стал отличным студентом филфака нашего университета. Но с третьего курса его призвали в непобедимую и легендарную Красную армию. И там доучили до танкиста. Таким он и ушел на войну в 41-м... По особому везению после Сталинграда его, тяжело раненого, не потащили на обязательный допрос в политотдел: «Почему ты, с..., в танке не сгорел?!». А довезли до госпиталя где-то в Казахстане... И там, когда «встал на костыли», Александр каким-то чудом узнал, что где-то неподалеку находится и его эвакуированный одесский университет! И он таки добрался туда – к родному филфаку, и, безмерно радуя своих профессоров, до конца войны завершил

с отличием высшее образование!.. А вернувшись (еще на костылях) в свою Одессу, – сразу в прессу!

И тут еще одна заслуженная не только для него радость! В уже названном тогдашнем газетном доме на Пушкинской, 32, где Александра приняли литсотрудником, он встретил свою филфаковскую однокурсницу Лидию Ерушову – «журналистку по крови и призванию». На войне как на войне, под тем же Сталинградом она – под бомбами и с контузиями – была ценнейшим для фронта связистом-шифровальщиком. А здесь, в областной газете с большевистским еще названием, которую после 20 съезда переименовали в «Знамя коммунизма», она стала ответственным секретарем. Коллеги знают: работа эта огромной важности и сложности – для каждого номера. Но Лида и сама писала статьи и прекрасные очерки!..

А ее дорогой друг Александр избрал для себя и своей газеты то, что в Одессе стало легендой – сатирическую «Полундру» с еженедельными фельетонами, подписанными остроумно раскрывающим все здешние махинации Карпом Полубаковым (за что его стали ненавидеть и бояться все махинаторы – особенно те, что «выше райпотребсоюза»!..). Опасно? Да! Но он, полагаясь на свое умение (талант!) и отчасти на звание журналиста партийной печати, не боялся ничего. С помощью хороших одесских врачей уже ходил по городу без костылей, только с палочкой. И жену Лиду приглашал с собой в Клуб журналистов, в театры и на киностудию. Ведь городу и миру наш сатирик от журналистики уже был известен еще и как лирический драматург, талантливый киносценарист и создатель знаменитых на всю страну одесских театральных капустников!..

Голос Лидии Федоровны

Пора сказать, что они с украинкой Лидией Федоровной стали красивой и даже счастливой семейной парой Шнайдер – несмотря ни на что! На плохо скрываемый тогда бытовой и провластный антисемитизм. И даже на то, что Лиде пришлось уйти из своей газеты, а фактически и из журналистики. Но ни идиотский в этом

На чудом найденных снимках
Александр Петрович Шнайдер и его жена
Лидия Федоровна

случае партзапрет «на семейственность в одной редакции», ни терновый венец для ее собственной творческой жизни не сломили Лиду. Она ушла на преподавательскую работу в автодорожный техникум: «Был бы жив и здоров Саша!..».

Но 23 февраля 1991 года Александр Петрович уходил из одесского Дома печати и из этой жизни. Скорбную тишину и негромкие слова прощания нарушил голос его жены Лидии Федоровны – тоже ветерана, тоже инвалида войны и тоже журналиста. И она сказала громко, очень громко, что знает всех нынешних убийц Александра Петровича! И что все они – это местная мафиоз-

ная коммунистическая партия! И над гробом мужа она разорвала его и свой партбилеты! И тогда... (представьте эту картину!) присутствующие еще не названные местные бонзы этой партии стали пятиться и исчезать с «мероприятия» – кто на улицу к своим персональным машинам, кто к лифту – вверх и по кабинетам...

Лидия Федоровна после смерти самого дорогого человека решила, что жить ей осталось только для того, чтобы поставить памятник на Сашиной могиле. Болела и стала продавать все, что могла, даже воинские награды (только наградные документы сохранила). Но были близкие друзья, и один из них – тогда еще молодой ученый Валентин Семенченко. С благодарностью к газете, которая публиковала и его научно-популярные статьи, подружившись с Александром Петровичем и Лидией Федоровной, он теперь помогал ей, чем мог, и не только материально. Надо было вернуть Лиду к творческой жизни – и в этом неопределима роль работавшего много лет рядом с Сашей прекрасного жур-

налиста Александра Щербакова. Он помнил все очерки Лидии Федоровны и сказал ей: «Вы так же талантливый, как и Саша!». И она снова взялась за перо!.. А с участием молодых друзей-журналистов Феликса Кохрихта и Евгения Голубовского очерки Лидии Шнайдер о собственной военной и газетной жизни, о Саше стали выходить в одесской прессе – и это действительно было самой дорогой помощью! А Валентин Семенович Семенченко, оставаясь близко, рядом с Лидией Федоровной, собирал все ее публикации и рукописи. Став профессором Одесского национального политехнического университета и академиком, одну из своих книг – изданную в 2007 году «Мозаику» – он посвятил этой легендарной семье журналистов. В книгу вошли и все 26 очерков Лидии Федоровны. Жизнь этой творческой семьи становилась открытой частью истории Одессы.

Два факта. Американская служба приобретения книг и периодики (как правило, для Библиотеки Конгресса США) выписывала и получила все экземпляры ежемесячной сатирической газеты «Ах, Одесса!..». Увы, их было немного – только за 1991 год.

И Лидия Федоровна свой долг выполнила – желая покоиться рядом с мужем, она заказала выгравировать на камне эти же два слова: «Ах, Одесса!..». Но с их могил на одесском кладбище этот камень был украден...

Да, в «Одессе-маме» – и прежней, и совковой, и даже нынешней – украсть можно все что угодно. Но не память!

Авторы той первой «Ах, Одессы!»

Александр Кулич

Цветы на балконе

Этот проект он вынашивал всю предыдущую жизнь. Он думал над ним ночью и днем, на работе и дома. С ним он ложился и вставал, умывался и пил чай, смотрел кино, гулял – с ним он жил. Но самого проекта еще не было. Была мысль, одна только мысль, хотя и неотвязная.

И вот его осенило. Сейчас весь проект в законченном виде стоял у него перед глазами.